

ЕКАТЕРИНА НЕВОЛИНА

Микола
верховой езды

ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР

Екатерина Александровна Неволлина

Вольный ветер

Серия «Школа верховой езды», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70033147

Екатерина Неволлина. Вольный ветер: Издательство АСТ; Москва;

2024

ISBN 978-5-17-158562-4

Аннотация

Знаете, есть такие девочки, у которых все получается. На них прекрасно сидит даже самая объемная одежда, а на лице никогда не появляются прыщики. К тому же они обязательно увлекаются чем-нибудь необычным – исполняют сложные фигуры художественной гимнастики, скачут на лошадях так, будто родились в седле... Легкие, ловкие и какие-то удивительно везучие, они обычно, не прикладывая ни малейших усилий, сразу же становятся звездами любой компании.

Но я не из таких.

Хотя... хотя всегда можно попробовать измениться!

Именно поэтому я здесь, в конно-спортивном лагере, и, похоже, мне предстоит немало самых разных открытий.

Содержание

1	5
2	23
3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Екатерина Неволлина

Вольный ветер

© Екатерина Неволлина, 2023

© Гайворонская А., иллюстрация

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

*Благодарю за неоценимую помощь
и консультации Екатерину Каблукову,
без которой этой книги бы не было!*

1

Вот такая я

Знаете, есть такие девочки, у которых все получается. На них прекрасно сидит даже самая объемная одежда, у них самые ровные на свете зубы, причем без всяких брекетов, а на лице никогда не появляются прыщики. К тому же они обязательно увлекаются чем-нибудь необычным – занимаются паркуром¹ или капоэйрой², танцуют корейские танцы, исполняют сложные фигуры художественной гимнастики, скачут на лошадях так, будто родились в седле... Легкие, ловкие и какие-то, я бы сказала, удивительно везучие, они обычно, не прикладывая ни малейших усилий, сразу же становятся звездами любой компании.

Ну а я не из таких.

«Не говори глупости. Ты вполне себе симпатичная... просто к тебе нужно присмотреться, – уверяет моя лучшая подруга Ира. – И вообще у тебя другие таланты. Ты здорово рисуешь!»

¹ Вид спорта, который возник в городской среде; цель паркура – быстрое преодоление любых препятствий с помощью прыжков и разнообразных акробатических элементов. – (Здесь и далее все примечания без указания на то, чьи они, принадлежат редактору.)

² Афро-бразильское единоборство; основано на танцевальных движениях и акробатике, сопровождается музыкой.

Рисовать я и вправду люблю, но кажется, что это еще больше отдаляет меня от окружающих. Иногда я думаю, что лучше бы у меня были еще какие-нибудь способности...

Иногда – это примерно семь раз в неделю и шестнадцать часов в сутки. Почему шестнадцать? А потому, что в остальное время я сплю. Я, понятное дело, шучу, но вообще-то подобные мысли частенько преследуют меня, особенно сейчас, когда я смотрю на показательное выступление стройной девчонки примерно моего возраста, а может, на год старше.

Она демонстрирует на манеже свои умения, так сказать, показывая возможности для нас, новеньких, и я понимаю, что мне до нее примерно как до созвездия Кассиопеи, только еще немного дальше. Она вращается на белой лошади, ловко перескакивая в седле³, потом встает на него одним коленом, вытянув на весу вторую ногу и противоположную руку вроде гимнастического упражнения «Ласточка», затем и вовсе выпрямляется в полный рост и едет стоя. Выглядит очень эффектно, тем более на ней замечательный облегающий гимнастический костюм – черный, с россыпью мелких серебристых стразов, а распущенные золотисто-медовые волосы летят по ветру, сверкая под лампами, как у Рапунцель, и она напоминает персонаж какого-то фильма. Хрупкая и в то же время с вполне женственной фигурой, что идеально подчер-

³ На самом деле для вольтижировки используется гурта со специальными жесткими ручками, но давайте простим Мирославу, которая пока не разбирается в конном спорте и называет седлом то, что на него немного похоже. – Прим. авт.

кивает костюм. Она двигается настолько легко, что кажется, нет ничего естественнее.

И лошадь у нее чудесная – белая, с короткой гривой, заплетенной в косички, украшенные ленточками.

Большая красивая лошадь и тоненькая изящная девочка – от них невозможно отвести взгляд.

Закончив, девчонка прыгнула на манеж и театрально поклонилась. Все дружно зааплодировали, и я тоже. Еще бы – не каждый день такое увидишь.

– Молодец, Вита, спасибо. Вита приезжает к нам уже четвертый год подряд и занимается выездкой и вольтижировкой⁴, – говорит старший жокей. – Освоить искусство верховой езды нетрудно. Нужно только одно... Кто знает, что именно?.. Нет, не ловкость... Конечно, внимательное отношение к лошадям очень важно, но я не об этом. Самое главное – желание. А у каждого из вас оно есть.

Виту тотчас окружила целая толпа ребят: многие ее явно знают. А я оглянулась на Иру. Ведь из-за нее я и оказалась в конно-спортивном лагере, где, если честно, мне вообще-то не место.

– Да, неплохо. Хотя она позерка, – прошептала Ира, пожимая плечами. – И слишком жестка с лошадыю.

А я ничего такого и не заметила. Странно было бы, если бы обращала внимание на подобные вещи, учитывая мой

⁴ Конно-спортивная дисциплина, в которой наездник выполняет акробатические упражнения верхом на лошади.

жалкий опыт верховой езды. А вот ставить на первое место интересы животных – это точно про мою подругу. У Иры есть собственный конь Лютик, которого она обожает, собака – сеттер по имени Граф и безродный котенок Мышильда, или просто Мышь.

Самый старший – сеттер, он у Иры с тех пор, как мы знакомы, то есть как минимум с первого класса. Лютика, бывшего прокатного коня, купили полтора года назад, и подруга очень долго выхаживала его, возвращая бедняге интерес к жизни. Мышь мы нашли буквально за три недели до отъезда в лагерь, как раз когда возвращались из конюшни от Лютика и увидели несчастного грязного котенка прямо на обочине дороги.

Я могу поспорить на что угодно – Ира продаст душу не только за своих питомцев, но и за любое страдающее живое существо на земле.

Тем временем старший вожатый закончил приветственную речь, все снова похлопали и стали расходиться.

Это был наш второй день в лагере. Вернее, можно сказать, первый: вчера мы приехали поздно и даже не успели порядком осмотреться, заселились и поужинали. Я только отметила, что девочек в лагере значительно больше, чем мальчиков, но Ира заявила, что это в порядке вещей, в конно-спортивных лагерях так и бывает.

Наш лагерь находился неподалеку от Геленджика. Море, горы, прекрасная природа и просторы для верховых прогу-

лок – настоящий кусочек рая. Конечно, место пользуется популярностью, а путевки разбирают заранее, задолго до наступления сезона.

Когда мы выходили из зала, я снова взглянула на Виту. Она стояла возле двери и общалась с очень симпатичным темноволосым мальчиком.

– А кто-то, похоже, хорошо подготовился за год, – говорил он с легкой усмешкой.

– Ты еще всего не видел, – отвечала девушка. – Ну что, не боишься проиграть?

– Это мне тебя бояться?..

Если честно, они потрясающе смотрелись вместе. И разговаривали на равных, как давние знакомые. Я даже не удивилась. Можно не сомневаться, что самые красивые, да и вообще фактически все парни будут ее.

– А вот и Воронков, – шепнула Ира, кивнув на парня. – Вроде бы Денис... Не помню точно. Его отец – Алексей Воронков, очень популярный московский тренер.

Мы украдкой проскользнули мимо них: впрочем, можно было топтать как слоны или исполнять джигу-дрыгу, вряд ли они бы нас увидели, занятые то ли препирательствами, то ли откровенным флиртом. Думаю, что и то, и другое в беседе присутствовало.

– Мира, ты пока подожди, мне нужно позвонить. Я беспокоюсь за Лютика. Кажется, у него с ногой что-то... – выпалила Ира и побежала к домику, где находилась наша комната.

Телефонами по правилам конно-спортивного лагеря «Вольный ветер» пользоваться днем нельзя, поэтому мы никуда их с собой не берем. Нас сразу предупредили: если заметят что-то такое во время занятий или мероприятий, будут отбирать мобилы и выдавать строго по часам – исключительно для созвонов с родителями. По-моему, бред, но идею мы поняли и никто не хочет нарываться. А про то, что Ира беспокоится, могла бы и не упоминать – и так знаю: весь вчерашний день и сегодняшнее утро она только про Лютика и говорила.

Вот это я понимаю. Лютик хороший конь, хоть и несчастный. Ирин папа, Сергей Вячеславович, однажды сказал, что многие прокатные животные такие. За ними не особо следят и заставляют работать, причем нагружают монотонным и тяжелым трудом, когда надо шагом везти какого-нибудь дядечку или тетечку по кругу. Каждый день, в любую погоду и при любом самочувствии.

У Лютика, когда он появился у Иры, был отсутствующий, замотанный вид и бархатистые, но неживые глаза. Он ел без аппетита и не хотел ничего делать. Ира решила, что, прежде всего, нужно вернуть ему радость жизни. Именно так она это назвала. Она мыла Лютика, чистила, расчесывала гриву и хвост, приносила питомцу яблоки и сахар, выводила пасть, даже бегала с ним, держа за узду.

Кстати, бегать Лютику сперва не слишком нравилось. Но потом что-то изменилось.

Уж не знаю, как Ира это сделала, может, чудом, но постепенно Лютик начал откликаться.

В моем альбоме есть акварельный портрет Лютика тех времен, когда он появился у Иры, и рисунок недельной давности. И это два совершенно разных коня. Они даже смотрят по-разному!

А зашуганная Мышь буквально за несколько дней в доме моей подруги не только ожила, но и отъела приличное пузико, которое пыталась подставить всем и каждому, сопровождая это одобрителем тархтением и требуя почесываний. Да и вообще она вполне себе обнаглела.

Задумавшись, я остановилась. День был погожим. Ясное яркое небо, у горизонта сливающееся с морем, зеленая территория лагеря с одно-двухэтажными коттеджами, выкрашенными в белый цвет, и горы, казавшиеся спящими великанами, головы которых терялись в облаках.

Горы нависали над долиной, словно ласково обнимая ее громадными каменными ладонями и защищая ото всех опасностей. Волшебное место! И вдруг, в этот солнечный день, замурив глаза, я подумала, что мне будет здесь хорошо. Ну научусь я как-нибудь кататься на лошадях.

А что еще говорил вожатый? Самое главное – желание... Допустим, я не стану ездить так ловко, как Вита. Но разве мне это нужно? Поразмыслив, я ответила на вопрос отрицательно. В конце концов, я просто составляю компанию Ире. Если не захочется, могу в принципе не заниматься трениров-

ками по верховой езде – все равно остаются море, солнце, природа, а уж сколько возможностей для живописи!

У меня прямо зачесались руки – хотелось немедленно взять карандаш и набросать для начала хотя бы ту лошадь, на которой показывала класс Вита. Обожаю рисовать лошадей, они очень красивые: вытянутые морды, нервные ноздри, огромные выразительные глаза, способные передать какие угодно эмоции.

У меня в альбоме немало изображений лошадей, правда, в основном Лютика, но тут... тут для рисования полное раздолье!..

Я улыбнулась своим мыслям и направилась в сторону домика. Через час теоретический урок, а потом и первый выезд новичковой группы.

Возле домика я наткнулась на Иру и с первого взгляда поняла: с подругой что-то неладно. Она выглядела нервной и возбужденной.

– Что-то случилось? – с опаской спросила я.

– Да. Я уезжаю, – огорошила меня Ира.

Я даже ушам своим не поверила.

– Что? – зачем-то глупо переспросила я. – Мы ведь только приехали...

– Понимаешь, Мира... – Подруга мялась, ей было неловко. – Лютик... Мама не хотела говорить, я из нее вытрясла... Сильное растяжение. Ему необходима помощь.

– Но ты не врач...

– Я должна быть рядом с ним. Его предали люди. Лютик мне поверил, я не могу его бросить. Послушай, Мир, мне нужно его навестить. А потом я вернусь. Папа меня встретит, – затараторила Ира.

– Подожди... То есть ты сразу уезжаешь?.. – Меня будто огрели по голове чем-то тяжелым, а день вмиг перестал быть приятным. – Тогда я с тобой. Что я буду одна делать?..

– Мир! – Ира умоляюще на меня посмотрела. – Твоя мама не простит, если я утащу тебя с собой. Ты же в курсе, что она копила на лагерь... И путевку еще в марте покупала... Я вернусь очень быстро, вот увидишь. А ты пока проведешь несколько дней без меня. Поучишься общаться с лошадьми, тут хорошие тренеры. Порисуешь, поплаваешь в море... Разве плохо? Здесь такое расписание, ты и соскучиться не успеешь. А мне надо к Лютику, правда!

– Да, – машинально кивнула я. – Но я сюда поехала за компанию...

Первой мыслью было присоединиться к подруге, но это означает лишние деньги за билет, потерю оплаченных дней и возможные проблемы, связанные с тем, отпустят ли меня без родственников, вместе с Ирой. Уж за мной-то папа не придет, поскольку его вообще нет.

«У него другая семья», – объяснила мне мама.

Я до сих пор, наверное, не поняла, как это – другая семья – и почему папе ничуть не хочется посмотреть на меня. Я ведь не очень похожа на маму. Может, похожа на отца? Но мы обе

его явно совершенно не интересуем. Что ж, я приняла этот факт и смирилась.

Нам с мамой и вдвоем весьма неплохо, хотя иногда довольно нелегко.

Мама работает бухгалтером, растит меня в одиночку, поэтому постоянно берет подработки и часто выглядит уставшей. Я знаю, что она меня любит, просто ей не всегда хватает времени, зато она находит возможность оплачивать художественную школу, причем хорошую – мы не только учимся рисовать, но и занимаемся историей искусств, посещаем выставки, да и лагерь, естественно, стоит немало.

В какой-то момент я пыталась отказаться от дополнительного обучения, но мама сказала, чтобы я даже не думала. Художественная школа – вложение в будущее, не хочу же я, чтобы затраты, которые она понесла за все это время, были бесполезны. И я, конечно, не смогла ничего возразить. Пожалуй, поэтому я и ощущаю особую ответственность, а бросить оплаченный лагерь не имею права, об этом не может идти и речи.

Ира, очевидно, поняла мой страх одиночества.

– Ладно. – Подруга тяжело вздохнула. – В таком случае я никуда не поеду. А дома обойдутся без меня. Я, в конце концов, не доктор. Сейчас позвоню папе...

Мне стало по-настоящему стыдно. Вот ведь принцесса – испугалась лишиться Ириной поддержки. Разве это по-дружески? Я же вижу, как она относится к Лютику, да и к дру-

гим своим питомцам. И между прочим, именно поэтому мне нравится Ира. Поэтому мы и дружим.

Я улыбнулась и махнула рукой, как делала мама, решившись на что-то вроде незапланированных трат на телефон или покупку новых стульев на кухню.

– Ир, не выдумывай. Я не всерьез. Ты обязательно должна поехать и быть с Лютиком. Ты ему гораздо нужнее сейчас, чем мне. А я найду, чем заняться. Вернешься – и еще удивишься, как я в верховой езде продвинулась... Может, даже с первой попытки буду в седло залезать.

Ира посмотрела на меня и, оценив шутку, засмеялась.

– Ты правда не обидишься, если я уеду? – уточнила она.

– Разумеется, нет. Больше мне делать нечего – на тебя дуться! Мне же лучше – меньше стану отвлекаться, – жизне-радостно ответила я, хотя никакой бодрости не чувствовала.

Мне хотелось провести день рядом с подругой, но нас распределили к тренерам, занимающимся с группами разного уровня подготовки, и я решила, что нужно привыкать обходиться без Ириной помощи и советов.

В новичковой группе оказалось всего пять человек и из них только один мальчик, на вид даже младше, чем я, – совсем худенький, рыжий Вадим. Как и говорила Ира, верховой ездой занимаются в основном девочки. А они, кстати, подобрались хорошие: светленькая Полина – я помнила ее еще по заезду, у нас были соседние купе в поезде, и две сестры-близняшки – Тина и Тоня, на самом деле не слишком по-

хожие друг на друга внешне, но одинаково неугомонные.

– Привет, я Настя, ваш тренер, – поздоровалась с нами хрупкая симпатичная девушка с длинными темными волосами, собранными в хвост, и в белой кепке с символикой лагеря: три горы и волнистые линии, видимо, изображающие ветер. Если честно, я решила, что она едва ли не наша ровесница. – Давайте знакомиться. Тина и Тоня, Полина, Мирослава, Вадим... Очень приятно. Ребята, вы любите лошадей?

Сестры сразу же наперебой загалдели:

– Я все фильмы про лошадей смотрела!

– Мой любимый – «Черный Красавчик»!⁵ Обожаю про лошадей!

– А мне «Боевой конь»⁶ больше нравится!

– Мы несколько раз катались... В парке... Нет, у цирка!..

Нам оставалось лишь глазами хлопать – вклиниться в этот поток было абсолютно невозможно.

– Отлично, – заулыбалась Настя. – Но, прежде всего, вам придется забыть о том, что говорили прокатчики. Кататься и ездить – совершенно разные вещи, а мы будем учиться именно верховой езде. Давайте я немного расскажу про лошадей, это поможет лучше понимать их. Для того чтобы стать ловким всадником, важно чувствовать лошадь.

⁵ Имеется в виду фильм «Черный Красавец» 1994 года (режиссер Кэролайн Томпсон), снятый по роману «Черный Красавчик» британской писательницы Анны Сьюэлл (1820–1878).

⁶ Драма 2011 года (режиссер Стивен Спилберг).

– Как эта?.. Как ее зовут... которая показывала фокусы во время собрания?

– Никакие не фокусы, – снова улыбнулась Настя, но вроде бы на ее лицо набежала легкая тень. – И да, бесспорно, Виталия умеет обращаться с лошадьми, девушка уже не первый год у нас. Но давайте вернемся к животным...

Я могу и ошибаться, но слова «чувствует» и «умеет обращаться» не совсем синонимы? Я вспомнила, что и Ира отозвалась о Виталии в таком же духе и взяла это на заметку.

Потом мы устроились на деревянной скамейке в тени густого дерева, а Настя продолжила рассказывать о лошадях. Пока она говорила, я достала маленький скетчбук, который обычно ношу с собой, и принялась зарисовывать по памяти.

Меня действительно потрясло то, что лошади очень умные, способны различать эмоции человека и начинают нервничать или даже испытывают стресс, если рядом находятся сердитые или раздраженные люди. Вдобавок они умеют считывать интонации человеческого голоса, а еще у них превосходная память и они запоминают друзей и тех, кто их обидел, причинил боль.

– Прямо как в фильме «Боевой конь»! – оживилась Тина. – Джоуи и его хозяин идут навстречу друг другу через войну. Я плакала, когда Джоуи запутался в проволоке и его хотели убить.

– А сколько пришлось пережить Черному Красавчику, когда он очутился в Лондоне! – подхватила ее сестра Тоня. –

Вот ведь жестокие люди!

– А я не люблю кино про лошадей, – буркнул рыжий Владимир и провел ладонью по деревянной скамейке, на которой мы сидели. – Они слишком жалостливые. Почему-то в каждом фильме лошадь обязательно страдает: ее бьют, издеваются, хотят усыпить или сделать нечто подобное.

– А я всегда плачу, когда смотрю такие фильмы. Или про собак... – вклинилась Полина.

Я перестала рисовать, прислушиваясь к разговору. Мне иногда нравится смотреть такие фильмы, хотя они и давят на эмоции.

– Мирослава, а ты что думаешь? – спросила Настя, наверное, заинтригованная моим молчанием.

– Мне жалко лошадей, – призналась я. – Они зависят от людей, поэтому и страдают. У моей подруги... она в другой группе... есть конь Лютик. По-моему, раньше, когда он работал в прокате, его обижали... Но я не особо люблю жалобные фильмы и книги, где страдают животные и дети... Ну... – Я задумалась, подыскивая верные слова. – Это запрещенный прием – бить по самому больному. А еще... – Я заторопилась, хотя меня никто не перебивал. – В общем, люди, которые как бы за хорошее, бывают очень злыми и жестокими. Недавно видела я в соцсети ролик, как кошка не принимала рыжего приبلудного котенка, а про хозяйку столько злых комментариев набралось! Под видео писали, что раз хозяйка не умеет обращаться с животными и правильно под-

кладывать малыша кошке, ее нужно о стенку стукнуть и всякое другое плохое... Мне ужасно жалко котенка, но нельзя же так с людьми! – Я договорила и перевела дыхание, не понимая, куда меня занесло, при чем здесь Лютик и приبلудный котенок, если разговор зашел о фильмах.

– Мирослава права, – неожиданно закивала Настя. – Эксплуатировать темы, бьющие на жалость, нельзя, как нельзя и делать выводы, не зная ситуации, как, например, с котенком из видео. Кстати, все самые страшные злодеяния, например, инквизиция, когда на кострах сжигали людей, совершались во имя добра. Того добра, как его понимали отдельные люди. Согласны?

– Да! – моментально отреагировала Тина. – У нас в классе тоже есть всякие гады: хотят, чтобы все по их правилам жили.

Я слушала Настю с интересом. Она, пожалуй, была мне по душе. Совсем не похожа на учителей в школе, кроме того, ненамного старше меня, но уже такая умная, говорит уверенно и не пытается поставить себя выше других.

Под деревом было хорошо, но время близилось к полудню и стало жарко, зато фигурная тень от листвы так красиво лежала на земле, что я решила непременно использовать ее в орнаменте.

– Нет, Тина, – покачала головой Настя. – Просто иногда людям кажется, что они действуют правильно и есть только одна точка зрения – их собственная. Такое бывает в вашем

возрасте, но главное – уметь заметить свои ошибки и более не совершать их. А если вернуться к нашим питомцам и, как вы говорите, жалобным фильмам... Животные эти очень давно с человеком и зависимы от нас, поэтому люди должны знать, насколько они хрупкие. Вам может показаться, что лошади крупные и сильные. Но нет, они крайне чувствительны, у них восприимчивая психика и они ощущают такие же эмоции, как и мы. В кинокартинах и книгах уделяется внимание этим качествам, ведь люди часто переоценивают лошадь или вообще о ней не задумываются. Дергают за уздечку, причиняют созданию боль, подают противоречивые сигналы, а затем начинают сердиться... Я просто хочу сказать вам, что, не понимая лошадей, невозможно на них ездить.

Пока Настя говорила об особенностях жизни и поведения лошадей, я рисовала скетчи.

И мне стало еще больше жаль лошадей. Выяснилось, что они мало спят лежа: им сложно подниматься из лежачего положения и в это время они становятся уязвимыми для хищников.

Животные научились как-то расслаблять мышцы, чтобы отдыхать стоя, но им все равно нужно лежать хотя бы полчаса в день.

Не менее интересно и то, что у них очень широкое поле зрения и лошади смотрят одновременно в разные стороны фактически на триста шестьдесят градусов. Поэтому обязательно нужно подходить к ним так, чтобы они точно тебя за-

метили и не нервничали, не попадать в слепые зоны перед головой и сразу – позади.

Кстати, сзади к лошади в принципе приближаться не рекомендуется: «Перед кусается, а зад лягается», – смешно пояснила Настя.

Тренер перешла к технике безопасности, а я нарисовала лошадь, перепрыгивающую через барьер. На ней сидела девочка, и, похоже, я автоматически придала ей свои черты.

– Можно взглянуть? – Настя стояла прямо надо мной.

Я смутилась, но протянула скетчбук, а мои соседи сразу засунули в него любопытные носы.

– Ты здорово рисуешь, – оценила наброски Настя. – Учишься?

Я кивнула и поспешно добавила, что занимаюсь в художественной школе четыре года.

– Замечательно! – обрадовалась Настя. – Знаешь, у нас есть дополнительные студии, и всем рекомендуется записаться куда-то по интересам. Художественной студии, правда, нет, но имеется журналистская, мы выпускаем газету, материалы для которой готовят ребята. Художник очень пригодится. Пойдешь?

– Да. – Я даже не задумывалась. Ведь если не получится с верховой ездой, живопись никуда не денется.

А сестрички опять загалдели:

– А ты меня нарисуешь?

– Нет, меня первой!

Пришлось Насте напомнить близняшкам, что занятие еще продолжается.

Думаю, Тины и Тони для меня немного много, уж простите за тавтологию.

2

Через тернии... к терниям

Признаюсь, что побаивалась первого практического занятия.

Проходило оно на закрытом манеже, и вначале мы поставили в специальном журнале подписи, подтверждая, что поняли инструкцию по технике безопасности и всяческие риски. Всем, у кого не было шлема, выдавали его перед началом занятия.

Мне досталась симпатичная гнедая лошадь со смешным именем Шуша. Настя сказала, что она уже пожилая леди, зато очень выдержанная и воспитанная.

Шуша с деловитым видом обнюхала мою руку, отдавая ее теплым и влажным дыханием – и это было приятно. Однако я немного напряглась.

– Ты боишься? – спросила Настя, заметившая мою внезапную одеревенелость.

– Нет... Но как-то неловко... Вдруг я что-то сделаю не так? Или причину боль? И вообще ей же тяжело меня нести... – Не знаю, как эти слова вырвались из моего рта. Даже Ире я бы не призналась в странном чувстве.

– Значит, ты боишься не за себя, а за лошадь. Вот и хорошо. – Настя кивнула и ласково погладила меня по плечу. –

Не бойся. Ты совсем легонькая, а лошади могут без труда носить на спине тяжелых мужчин весом по девяносто килограммов. В тебе ведь нет девяноста? – Она хитро посмотрела на меня.

– Нет, только сорок один. – Я улыбнулась и почувствовала себя гораздо лучше.

– А на нее можно посадить двоих таких, как ты: Шуша и не почувствует. Лошади нравится общаться с человеком, ей доставляет удовольствие скакать вместе с умелым всадником, и я уверена, ты быстро всему научишься. Нужно просто быть спокойной и внимательной, а ты очень сосредоточенная и чуткая. К тому же вы с Шушей уже познакомились, ты ей приглянулась. Лошади сразу чувствуют людей.

Мне стало неловко от похвалы, на которую я как бы сама напросилась. Поэтому я собралась и... села в седло с первой попытки, что уже было достижением. Настя подошла стремна, чтобы они точно подходили мне, затем мы двинулись шагом.

Настя поправляла мою посадку в седле, чтобы я правильно распределяла вес, держала спину и ноги должным образом. У меня с позвоночником проблема – привыкла горбиться над мольбертом, поэтому иногда немного сутулюсь, в общем, поправлять было что.

– Всадник управляет лошастью при помощи собственного тела. А Шуша, как и ее братья, реагирует на малейшие движения, – объясняла Настя.

Мне очень не хотелось огорчать тренера, поэтому я старалась сделать все правильно. Наверное, даже слишком старалась, поскольку не смогла избавиться от напряжения, а Шуша, чувствуя мое состояние, слегка нервничала и иногда встряхивала ушами, но она действительно была весьма терпеливой и воспитанной лошадью и продолжала делать все, что от нее требовалось.

Мы позанимались на корде – длинной веревке, которую держала Настя. Сперва просто ходили шагом по манежу, затем тренер дала мне множество заданий, частично очень сложных.

Сначала Настя попросила меня наклониться к шее лошади, потом откинуться назад, насколько позволяло седло, и расставить руки в стороны. Мне стало страшно. Я, конечно, вспоминала выступление Виты и осознала, что она продемонстрировала куда более сложные и изощренные упражнения, хотя то, что сейчас приходилось проделывать мне, выглядело подвигом и верхом акробатического искусства.

– Привыкай, – повторяла Настя. – Научись доверять Шуше, она тебя не подведет.

Я понимала, что Шуша не самая высокая и, пожалуй, довольно низкая лошадь, но мне казалось, что я нахожусь где-то очень высоко, а главное, под ногами не было привычной твердой почвы. Лошадь двигалась, а иногда, повинувшись команде, поворачивала ко мне голову и выносила мои выкрутасы со стоической безмятежностью, словно была античным

философом, а не обычным животным.

– Спасибо, Шуша, – украдкой шепнула я. – Обещаю, что принесу тебе самое вкусное яблоко.

– Не разводи локти в стороны. Действуй только кистями рук, – давала указания Настя. – Но ты умница, у тебя все получается. Видишь, она тебя слушается.

Наверняка на первом занятии Шушиных заслуг было гораздо больше, чем моих, и яблоко она заработала вполне честно.

– Можешь принести ей немного сушек. Шуша их просто обожает, – посоветовала Настя.

Когда занятие заканчивалось, я обнаружила у бортика симпатичного парня с убранными в хвост светлыми волосами. Судя по форме, он был одним из тренеров.

– Как успехи? – окликнул блондин Настю.

– У меня прекрасная группа. Ребята молодцы, – заверила она, продолжая вести Шушу к конюшне.

– А это мы еще посмотрим во время итогового квеста. И не разбалуй их снова. Если слишком нежничать, не воспитаешь победителей.

Настя покраснела, но ничего не ответила, а мне этот тип сразу же перестал казаться симпатичным.

– Пойдешь со мной обедать? – добавил он, обращаясь к Насте.

Я затаила дыхание, ожидая, что Настя пошлет недомачо куда подальше, но она как-то глупо заторопилась.

– Да, сейчас! Подожди, я быстро.

Уходя из конюшни на подрагивающих ногах (похоже, я даже разучилась стоять на земле), я думала, почему хорошие и привлекательные девчонки всегда предпочитают абсолютно не подходящих им парней. Вот и у нас в школе огромной популярностью пользуется один скользкий тип, записывающий бесконечные ролики и строящий из себя то певца, то модель. Говорят, у него чуть ли не миллион фолловеров, но меня он жутко раздражает. Никогда не стану бегать за такими.

Во дворе я встретила с Ирой, которая ждала меня и грелась на солнышке. Мы пошли в столовую.

– Ты знаешь, кто это? – спросила я, кивнув на Настиного спутника – они расположились за столом вожатых и вроде бы больше разговаривали, чем ели.

– Конечно. Дима Сорницкий. Красивый. – Ира вздохнула и с аппетитом принялась за гуляш с пюре.

– И вовсе не красивый, а противный, – буркнула я, с подозрением присматриваясь к своей порции. Не люблю пюре, особенно быстрого приготовления, противное, с комочками. – А откуда тебе про всех известно?

– Не про всех. Диму на приветственной церемонии представляли. Он продвинутую группу тренирует, – объяснила подруга. – Если бы мое сердце было свободно, он стал бы моим крашем...

Я тоже вздохнула. Ира давно и безнадежно влюблена в на-

шего одноклассника, который напрочь ее игнорирует (оно и к лучшему). Да и сейчас это даже во благо. Кстати, неудивительно, что я пропустила представление тренеров и вожатых. Есть у меня особенность – задумываться и не замечать окружающих. Кто-то говорит: «Ты художница и должна всех видеть и запоминать». Но дело в том, что мне это никак не удастся. Я обращаю внимание лишь на то, что мне интересно. Лошадей, к примеру, хоть издали, но могу разглядывать очень долго, или людей, которые меня зацепили. И в то же время иногда прохожу мимо знакомых, не сфокусировавшись на лицах. Меня считают странной выпендренницей, мне часто бывает неловко, но я не могу ничего поделать.

Мама называет меня творческой натурой. Не представляю, насколько я творческая, но, возможно, это меня отчасти оправдывает. Естественно, я стараюсь измениться к лучшему, но пока, по-моему, получается не очень.

В пять часов, когда полуденный зной спал, мы отправились купаться. Каменистое побережье было очень живописным. «Вольный ветер» располагал собственным огороженным пляжем, и это здорово – плыть в море и смотреть на очертания гор на ярко-синем небе, сбрызнутые темной зеленью средиземноморских сосен и еще каких-то незнакомых мне деревьев.

Я давно не была на море, а сейчас радовалась, как ребенок. Ира, поплавав немного, выбралась на берег, а я легла на спину, раскинула руки и ноги, словно морская звезда, и уста-

вилась на небо. Мне нравится вода: когда лежишь, кажется, что летаешь. Говорят, сходное ощущение бывает и при езде на лошади, но до этого мне далеко, а наслаждаться парением можно сейчас, просто ничего не делая. От удовольствия я закрыла глаза и вздрогнула, когда на нагретый ласковым, уже не жгучим солнцем живот упали холодные брызги. От неожиданности я дернулась и наглоталась противной горько-соленой воды.

Рядом громко засмеялись. Я встала на ноги – к счастью, было неглубоко, мне по шею – и принялась вытирать кулаками глаза, которые нещадно щипало от морской соли. Чем больше терла, тем сильнее щипало – замкнутый круг.

– Доброе утро! – произнес чей-то тонкий голос, и вокруг снова засмеялись.

Наконец я сумела разглядеть, что окружена компанией девчонок. Говорила брюнетка с каким-то, на мой взгляд, крысиным треугольным лицом, однако рядом с ней находилась Вита.

– Не щелкай клювом – утонешь.

– В спортивном лагере всегда нужно держаться в тонусе, – подхватила другая. – Ты ведь в первый раз здесь? Девочки, нужно устроить ей крещение! Как насчет того, чтобы окунуться?

Почему-то в дурацких ситуациях никогда не знаю, что сказать: тупо молчу, вместо того чтобы дать отпор, а потом ругаю себя. Вот и сейчас я отступила. Они же надвигались,

похоже, действительно собираясь окунуть меня с головой.

– Вы что, свихнулись? – спросила я, стараясь говорить как можно тверже, но пятиться перестала. Допустим, я не особо хороша в драке, но быть трусихой не собираюсь. Пусть их даже пятеро, а я одна.

– Так что, хочешь окунуться? – снова ехидно поинтересовалась та, с крысиным лицом.

– Алина, оставь ее в покое, – вдруг спокойно сказала Вита. – А ты не трусь: никто тебя не тронет, если будешь вести себя нормально... – Она мимоходом скользнула по мне взглядом, словно я не заслуживала внимания. – Нам пора, девочки. На сегодня у нас серьезные планы.

И они отчалили, очевидно, признавая ее безусловным лидером, а ко мне подошла Ира, заметившая с берега что-то неладное.

– Они на тебя бычили? – спросила подруга, возмущенно глядя на девчонок. Ира подросла как раз к финалу нашей недолгой... беседы... не знаю, как назвать правильно.

– Ну... – помня о скором отъезде Иры, я старалась выглядеть беспечной. – Профилактическое запугивание – приветствование новичков. Вдруг у меня коленки затрясутся.

– Может, рассказать кураторам?

– Пожаловаться?! – Я не поверила своим ушам. Такое и не приходило в голову: уж ябедой я не была даже в детском саду. – Нет, конечно. Они не всерьез, не волнуйся. Просто... закон стаи, своеобразная манера здороваться.

Я никогда не являлась жертвой буллинга, но слышала, что одну девочку из нашей школы затравили до того, что она наглоталась таблеток, лежала в больнице, а потом родители перевели ее в другое заведение. У нас, к счастью, довольно сносный класс, я держалась уверенно, не лезла в лидеры и ни в чем позорном замечена не была. Иру пытались дразнить за ее жалостливость, но она просто пожимала плечами: ну да, она доктор Айболит, любит всяких зверушек – и все. Судя по тому, что нас оставили в покое, тактика оказалась успешной. Вот я и решила ее придерживаться. Если не споришь и не боишься, то кому интересно с тобой связываться?

А если почему-то решат связаться, тогда и подумаю об этом.

Мы с Ирой направились к берегу и едва успели обсохнуть, как нас позвали обратно в лагерь. Сегодняшний день предполагал дискотеку – обязательное мероприятие, чтобы все могли лучше познакомиться. Мне, если честно, не очень-то туда хотелось, однако после происшествия на пляже это следовало сделать, чтобы никто не вообразил, будто я боюсь.

Дискотека началась после ужина, и вначале на нее стянулись самые младшие.

Мы с Ирой тоже пришли пораньше, но, скорее, не для того, чтобы потанцевать, а чтобы посмотреть. Мы и прихорашиваться не стали – были в джинсах и футболках, я только волосы распустила, а у Иры они короткие.

Как я и думала, Вита с компанией обставила свое появле-

ние эффектно. Она была в белой коротенькой юбочке, стильном топе и белоснежных кедах, что прекрасно смотрелось в переливчатом свете.

Когда девчонки начали танцевать, мне сразу бросилось в глаза, как плавно двигается Вита, так же умело и красиво, как и ездит на лошадях.

– Здорово танцует! – сказала я Ире, перекрикивая музыку.

– Ага, она же вольтижировкой занимается! – откликнулась подруга.

– Чем?

– Вольтижировкой – акробатическими упражнениями на лошади, ты видела, она показывала отдельные элементы на собрании утром.

Я кивнула. Вот это я точно не забыла и сделала пару скетчей – так поразила меня Витина ловкость. Жаль, что мы уже оказались по разные стороны баррикад, классно было бы с ней подружиться. Но разве станет лидер общаться с аутсайдером? Ни за что, можно и не мечтать.

Тем временем в зале появился Денис Воронков: почему-то, толком не разглядев в переливчатом скудном освещении его лицо, я моментально узнала парня. Он подошел к Вите и что-то крикнул ей на ухо. Она повернулась и, взмахнув распущенными волосами, двинулась вокруг него. Они танцевали, но это был странный танец, напоминающий поединок. Для яркой пары немедленно освободилось место в

центре, а младшие и вовсе замерли и, раскрыв рты, уставились на этих двоих.

Все-таки Вита с Денисом действительно шикарно смотрятся.

– Красавчик, да? – спросила Ира, наклонившись к моему лицу.

– На любителя. Не жалую золотых мальчиков, – ответила я и отвернулась. Но настроение внезапно окончательно испортилось, захотелось немедленно убраться отсюда. Наверное, из-за скорого Ириного отъезда. – Давай подышим воздухом. – Я потянула подругу за руку.

Мы сбежали из зала в самый разгар веселья. На улице стало прохладно, дул ветерок. Я подняла голову. Над нами раскинулось темное небо с необыкновенно крупными звездами, которые, будто золотые крупинки, упали на бархат ночи. Это выглядело настолько красиво, что замирало дыхание.

– Таких звезд в Москве нет, – проговорила Ира, пока мы шли к беседке. – Ой, смотри!

На земле сиял огонек вроде упавшей звезды, но гораздо мельче. Мы наклонились, присматриваясь.

– Светлячок! – Ира осторожно взяла жучка, усев его на ладонь.

Неподалеку сверкали искорки фонариков его собратьев, слышался переливистый гул – стрекот цикад, вроде бы так их называют... Или, может быть, это кузнечики... Кто уж разберет. Все вокруг казалось совершенно необыкновенным, да-

же волшебным.

Мы с Ирой сели на лавку и замолчали. Нам было немного грустно, но одновременно и хорошо.

А на следующий день подруга уехала, я мгновенно почувствовала себя абсолютно одинокой и поэтому старалась как можно тщательнее заниматься различными делами. Разминка, новый урок верховой езды, хотя я и после прошлого занятия едва могла ходить – так болели и ныли мышцы.

– Это из-за того, что ты сидела неправильно и напрягалась, – сказала Настя, внимательно выверяя мою посадку. – Привыкай. И спину, спину держи.

Тренировка была нелегкой, хотя постепенно я приноравливалась. Шуша и вправду делала все сама. Я начала к ней привязываться. Ее спокойствие и доброжелательность были мне сейчас очень нужны. Мне показалось, что лошадь относится ко мне немного снисходительно, но уже признает меня. Может, помогли принесенные сушки, которые Шуша приняла весьма милостиво. Настя предложила нам попробовать рысь, и я очень заволновалась, хотя и понимала, что ничего страшного здесь нет. Все-таки до сих пор никак не могла привыкнуть полагаться на живое существо.

Шуша была большая и добрая. Я видела, что Тоне, одной из сестричек, досталась нервная лошадь, однако подходящая под ее характер, и втайне радовалась смирной Шуше.

– На рыси ты должна чуть-чуть приподниматься вслед за

движением лошади. Это называется строевая рысь, так ездили военные, – объяснила Настя. – Приноравливайся к Шуше, чтобы сохранить равновесие. И лошади легче, и тебя не слишком трясет. Понятно?

Я, разумеется, кивала, но на деле все было совсем непросто.

– Не спеши, расслабься, – терпеливо советовала Настя. – Почувствуй лошадь.

Круг за кругом я пыталась приноровиться к неспешной выверенной рыси Шуши и вдруг почувствовала, что мы и вправду словно слились. Тряска стала гораздо слабее, и я заранее предугадывала движения лошади.

Это было невероятно!

– Молодчина! Все правильно! – воскликнула Настя.

В ту же секунду я, конечно, неловко покачнулась и едва не свалилась, а Шуша, очевидно, не выдержав моего растяпства, тихонько заржала.

– Пока хватит, – улыбнулась Настя. – Вы молодцы, я вижу, что все получается. Думаю, вам нужно еще продолжить в паре.

Я остановила лошадь, довольная тем, что Шуша меня послушалась и как быстро это удалось, и соскочила на манеж.

– Спасибо.

Похвала Насти была немного преждевременна, но уж точно очень приятна.

В завершении занятия мы, как всегда, походили по мане-

жу. Это называется смешным словом – заминкой, в противоположность разминке, с которой начинается тренировка.

Настя сказала, что заминка – обязательная часть, чтобы лошадь успокоилась и пришла в норму.

Я поводила Шушу в поводу, что мне тоже понравилось.

На этом занятие закончилось, и, по-моему, чересчур быстро.

Идти на обед без Иры было непривычно. Я надеялась, что соседки по комнате меня позовут, но напрашиваться не стала, а они игнорировали меня, хотя я нарочно медленно проходила мимо, всю болтали о лошадях и своих сегодняшних успехах. Было заметно, что им нравится в лагере, и я пожалела о том, что не умею встраиваться в компании. Заняв место в самом углу, я молча ела одна и размышляла о том, как продержаться до Ириного приезда.

А вот Настя опять обедала с Димой. Он о чем-то воодушевленно говорил, а она слушала парня и не сводила с него взгляда. Плохой признак. Но, конечно, это не мое дело, у меня и опыта-то, если признаться, в таких вопросах вообще нет. В прошлом году к нам в гости приезжала мама подруга с сыном, который старше меня почти на полтора года. Сначала я решила, что он проявляет ко мне интерес, но едва взрослые уединились на кухне, парень уставился в телефон и переключился на меня только при появлении мамы. Не нужно быть проницательным сыщиком, чтобы догадаться: он общается со мной лишь по ее настоянию и исключи-

тельно в ее присутствии.

Я и не обиделась – не привыкать, а в целом эксперт по части отношений из меня так себе.

После обеда настало время студий. Продвинутая группа, в которой были Вита и Денис, младшая копия Димы, как я называла его мысленно, отправилась на конную прогулку вне лагеря.

Признаюсь, пара смотрелась очень красиво, я даже замешкалась, глядя им вслед, и вздрогнула от раздавшегося возле уха голоса:

– Завидуешь?

Я обернулась и обнаружила крысиную мордочку Витиной подружки... Как там ее... Вроде бы Алина.

Странно, но на этот раз я даже нашлась, что сказать.

– По себе судишь? – выпалила я и быстро двинулась прочь.

Но в журналистской студии, куда меня уговорила пойти Настя, поджидал сюрприз. Выяснилось, что и Алина записалась именно сюда. Сначала я подумывала улизнуть, но решила, что она обойдется без такого подарка.

Если сбегу, то получится, будто я испугалась и сдаюсь. Нет уж, такого не будет.

Вела студию Елена Викторовна, немолодая, с короткими взлохмаченными черными волосами, кончики которых были выкрашены в фиолетовый. Это выглядело немного странно и, по-моему, не очень шло к ее полной фигуре в безразмер-

ном оранжевом балахоне, но определенно смотрелось оригинально. Она рассказала нам о своей работе в детском журнале. Оказывается, это вовсе не просто.

Раньше журнал выпускали в печатном виде, издавали на глянцевой плотной бумаге, а теперь – только в интернете, в электронном варианте.

Елена Викторовна добавила, что у лагеря есть сайт со специальной журналистской страничкой, где каждая смена публикует лучшие материалы и завершающий отчет о квесте-соревновании, в котором принимают участие все ребята.

– Как вы думаете, что главное в работе журналиста? – спросила Елена Викторовна.

– Продавать статьи, – незамедлительно выпендрилась Алина. Она и без подружки держалась очень нагло и наверняка собиралась стать великой журналисткой. Быть циничной – это же типа модно? Или нет?..

– А... Ну и это тоже, – не растерялась Елена Викторовна. – Но для продажи статей нужно уметь быть интересным, находить небанальные вещи, замечать мельчайшие детали и анализировать увиденное. Давайте попробуем сочинить коротенькие очерки, основанные на вашем личном опыте по обращению с лошадьми.

Она выдала нам листочки и ручки, и Алина скривилась:

– А что, мы прямо на бумаге писать будем?

– Да, на бумаге. Журналисту важно не разучиться писать от руки, – ответила руководитель студии.

Я растерянно посмотрела на листок.

– Не знаешь, как начать? – Очевидно, Елена Викторовна и вправду умела все подмечать.

– Я вообще-то, скорее, по рисованию, – призналась я, протягивая скетчбук.

– Отлично. То что нужно! – обрадовалась она. – Рисунки всегда украшают журнал. Вероятно, ты занимаешься в художественной школе. Собираешься стать художником?

– Я еще не решила...

Какой сложный вопрос. Вот Ира не сомневалась, что выучится на ветеринара, а я до сих пор не могла определиться.

– У тебя еще будет время это понять. А пока станешь отвечать за художественную часть, но все-таки я бы попросила тебя написать небольшое эссе.

Мне было неловко отказываться. Эссе получилось коротким и сумбурным. В школе за такое сочинение меня бы не похвалили.

«Я плохо умею ездить на лошадях. У моей подруги Иры есть конь Лютик, о котором она заботится. Он старый и иногда болеет, мне его ужасно жалко. Раньше он работал в прокате. Это тяжело. Мне вообще жалко лошадей. Они или стоят в конюшне, или пасутся в загоне, или на них катаются, заставляют делать то, чего они не хотят.

Эти животные очень красивые. Когда лошадь скачет, она будто летит. У них выразительные глаза, как у людей, но луч-

ше. И всегда печальные.

Здесь есть хорошая лошадь Шуша. Ей со мной трудно, и мне ее тоже жалко».

Не представляю, что написали другие, – Елена Викторовна говорила с каждым отдельно и для всех находила доброе слово. Даже для меня. Сказала, что, несмотря на простую форму, я была искренней и она мне верит.

Алину руководитель студии похвалила за фантазию и бойкое перо – любопытное выражение, кстати. Ее заданием стали интервью.

Студия оказалась не такой уж плохой, а уходила я оттуда с заданием побольше наблюдать за лошадьми и сделать несколько рисунков. Еще Елена Викторовна попросила меня нарисовать какой-нибудь момент, где лошадь выглядела бы не грустной, а счастливой. Я подумала, что попробовать сделать это будет интересно.

3

Туманная даль

Я стояла у огороженного пастбища для лошадей. День медленно клонился к вечеру, дул прохладный ветер, долетавший с моря, по крайней мере, я ощущала нотку пряной морской свежести.

Я смотрела на выгон и никак не могла отвести взгляд – это же так красиво: ярко-зеленая трава, темное предвечернее небо и лошади, лошади, лошади... Гнедые, вороные и белая... А на горизонте – горы...

Видишь эту картинку и кажется, будто очутился в другом времени и нет пыльных, стоящих в вечных пробках городов с судорожным чахоточным ритмом, нет вечной гонки и забот, а есть только что-то древнее, настоящее, вечное. Многие смеются, что девочки любят лошадок, но ведь они – часть того прекрасного, возможно, идеального мира, в котором, наверное, хотели бы очутиться многие.

Лошади как драконы или единороги, но существуют на самом деле, и поэтому сердце начинает биться часто-часто. Если бы можно было поймать это мгновение и навсегда оставить его с собой, чтобы в трудные дни понемногу вдыхать его аромат, пить по глотку, как вересковый мед из легенды!..⁷

⁷ Речь идет о балладе «Вересковый мед» шотландского поэта и писателя Ро-

Если бы можно было возвращаться сюда снова и снова... Такой возможности нет, однако у меня есть свои секреты.

Я села на траву и быстро, словно боясь опоздать, упустить что-то важное, достала альбом с тонированной бумагой и набор сухой пастели – ведь я пришла сюда не просто так, а в полной готовности – и занялась зарисовкой.

Пастельным карандашом набросала общий план, затем приступила к деталям, сначала темным, скорее, очертаниям, как учили в художественной школе. Я люблю пастель за ее мягкость и плавность, возможность создавать прозрачные просвечивающие силуэты.

Такой же нежностью обладает еще, пожалуй, акварель, но пользоваться ею сложнее, кроме того, фактически ничего нельзя исправить, зато пастель прощает ошибки, позволяет стирать и корректировать.

Постепенно на темно-зеленой бумаге проступали фигуры лошадей. Вот они пасутся, склонив головы, а одна вороная – наверное, молодая – бежит будто прямо на меня. Взяв коричневый мелок, я наметила контур гор, поднимавшихся над долиной, и вдруг почувствовала, что за моей спиной кто-то стоит. Думаю, я так увлеклась, что и не услышала чужих шагов, или человек подошел совсем тихо.

Признаюсь, не люблю, когда на меня смотрят в процессе рисования. Казалось бы, давно могла привыкнуть: с тех пор как нас стали выводить на пленэр, то есть на свежий воздух,

за нашими спинами регулярно возникали любопытные, пытавшиеся сразу, иногда вслух, определить, насколько смахивает изображение на реальность.

«А что это она рисует? Совсем не похоже!»

«Девочка только учится, Мишенька, пусть хоть так».

Слышала я подобные диалоги, причем нередко.

Но теперь мне стало не по себе, ведь я уже почти поверила, что очутилась в альтернативном прекрасном и гармоничном мире. Не ожидая ничего хорошего, я медленно обернулась и увидела стоящего надо мной Дениса. В черной футболке без всяких дурацких картинок, в джинсах и кедах, он, не скрывая любопытства, разглядывал мой набросок.

– Привет. – Парень улыбнулся, явно приглашая к диалогу.

Я смутилась. Почему-то абсолютно не ожидала увидеть именно Дениса, а он еще и заговорил со мной.

Сейчас начнутся обязательные глупые вопросы вроде: «О, ты рисуешь?» – как будто это не очевидно.

«Ты учишься в художественной школе?»

Нет, я научилась рисовать во сне или, возможно, родилась с мелком в одной руке и кисточкой в другой.

«А рисовать трудно?»

Убиться как! Вот мучаюсь, страдаю, как ежики, которые колются, но продолжают есть кактус.

Я молчала со смирением заключенного, ожидающего казни, и приготовилась выслушать стандартный набор. Однако совсем глупых вопросов не последовало: или Денис не столь

наивен, или ему нет до меня дела.

– Здесь красиво. Я тоже люблю приходить сюда. – Он нарушил паузу, не получив от меня ответ. – Ты из лагеря?

– Да, – удалось выдать мне. Голос почему-то был хрипловатым. Я прокашлялась.

– Не видел тебя. Ты в какой группе?

Неудивительно, что не видел, хотя проходил мимо раз шесть или больше. Но кто же замечает таких, как я?..

– В новичковой, – буркнула я.

– Ты учишься ездить. Здорово! Завидую! – Он снова широко улыбнулся.

– И чему?

– Ну это же потрясающе. Я помню, когда у меня начало получаться, момент был незабываемым. Я радовался и гордился... А первый галоп, прыжки...

– И сколько тебе тогда было? – сухо поинтересовалась я. Энтузиазм парня подействовал на меня ровно противоположным образом.

– Неважно, – хмыкнул Денис. – У меня своя история. Отец имеет некоторое отношение к лошадям, и я сел на коня довольно рано.

Знаю я это «некоторое отношение». Ира говорила, что отец Дениса – один из самых престижных тренеров.

– А вообще начать заниматься верховой ездой никогда не поздно. Многие учатся во вполне взрослом возрасте. Кстати, – опомнился он. – Я Денис. А ты?

– Мирослава, – зачем-то представилась я полным именем. От утешений парня стало еще хуже. А он даже не видел это жалкое зрелище – меня на лошади.

– Сразу видно, что ты любишь лошадей, поэтому не переживай, научись. У нас в лагере неплохая школа... О! – оживился Денис. – Тренер подоспел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.